

К. О. Саркисов, А. Н. Панов

Сравнительный анализ идентичностей России и Японии в указанный период касался взаимоотношений государства и общества, эффективности режимов, их структурных реформ, трансформации социальных структур, роли в нем отдельных групп, консерватизма элит и их способности идти на радикальные системные перемены.

Ключевые слова: идентичность, формационное развитие, централизованное государство, религия и власть, цари и сёгуны, изоляционизм и экспансионизм, династичность, фаворитизм.

Немало государств в своей истории проходят через близкие, схожие, а порой идентичные процессы своего внутреннего развития. Причем не только в рамках таких крупных формаций, как родоплеменная, рабовладельческая, феодальная и капиталистическая, но и в специфике формирования государственности, методов управления, способах производства, классовой дифференциации и т. д.

При этом, сразу оговоримся, что и Россия, и Япония в своем историческом развитии избежали рабовладения как формации, хотя крепостное право в России в какой-то степени носило присущие ему черты.

Особенности исторического пути нации оказывают решающее воздействие на формирование ее идентичности.

Представляется целесообразным проследить процесс внутреннего развития России и Японии, начиная с периодов, когда в обеих странах предпринимались усилия по объединению разрозненных частей – феодальных княжеств в единое государство. Именно в этот период закладывались наиболее важные основы русской и японской цивилизаций.

«Собирание земель» в России связано с правлением московского князя Ивана III (1440 – 1505). В Японии начало процесса объединения задержалось почти на столетие, так как до конца XVI века продолжался период «воюющих княжеств» («сэнгоку дзидай»).

Однако затем Япония «догоняет» Россию. Превращение Великого Московского княжества в царство и перелом в процессе объединения Японии по времени почти совпадают. В 1547 году Иван IV Грозный венчается на престол в качестве первого царя «всей Руси», а Ода Нобунага в 1568 захватывает Киото и устанавливает свою власть над основной территорией страны.

Становление и упрочение централизованного государства и в России, и в Японии сопровождалось ожесточенной борьбой соперничающих кланов – российских бояр и японских даймё.

После смерти в 1584 году Ивана Грозного Московское царство испытало жесточайший кризис государственности, порой ставивший под сомнение те основы, на которых оно начиналось при Иване III. На престоле менялись цари – Федор Иоанович (1584–1598 гг.), царица Ирина, ее брат боярин Борис Годунов, Лжедмитрий I и боярин Василий Шуйский. Свергнувшие с престола Шуйского бояре выбрали царем польского королевича Владислава. Хотя он не был венчан на царство, в течение двух лет (1610 – 1612 гг.) Москвой правили поляки. Только избрание царем боярина Михаила Романова в 1613 году привело к возникновению новой царствующей династии, правление которой продлилось 300 лет.

В Японии процесс становления централизованной власти также проходил через серьезные кризисы.

После смерти в 1582 году Ода Нобунага власть перешла к другой значительной исторической фигуре – Тоётоми Хидэёси. Противостояние с ним другой военной силы – нарождающегося клана Токугава – первоначально не носило острого характера. Вместе с тем, так же как и в России, внутренние противоречия обостряются после смерти главы руководящего клана Тоётоми Хидэёси.

При этом, и в России, и в Японии совпадают особенности периода, связанного с переходом власти. При отсутствии явного лидера и колебании элиты в выборе нового руководителя в качестве временной меры возникает форма коллективного правления.

В Москве после изгнания Шуйского сформировалось правление, получившее название «семибоярщины» по числу бояр, занимавшихся государственным управлением. В Японии после смерти Хидэёси в 1598 году при пятилетнем наследнике дома Тоётоми был учрежден Совет старейшин из пяти членов (своего рода «пятибоярщина»).

Однако и в России, и в Японии объективный ход истории требует учреждения системы единоначалия для руководства страной. Форма коллективной ответственности не имела никаких шансов на сохранение. В Японии вопрос о власти был решен после битвы при Сэкигахара в 1600 году.

В России политическое соперничество также решилось на поле боя. Царь Борис Годунов в январе 1605 года в битве против Лжедмитрия и поддерживавших его польских войск вынужден был отстаивать свое право на престол. А в 1610 году войско Московского царства потерпело поражение от войск Речи Посполитой, после чего на два года Москва оказалась оккупированной поляками.

Только после освободительной войны народных ополчений, которые возглавили князь Дмитрий Пожарский и Кузьма Минин, и изгнания из Москвы поляков началось формирование новой государственности во главе с династией Романовых.

Таким образом, в начале XVI века и в России, и в Японии были сформированы основы государственного управления – династии Романовых и сёгуната Токугава, продлившиеся столетия.

12 февраля 1603 года рескриптом императора Токугава Иэясу был назначен Правым министром с титулом Великого Полководца Покорителя Варваров и ровно через месяц он посетил императора в его дворце в Киото. Всего лишь на десять лет позднее 23 июля 1613 года местоблюститель патриаршего престола митрополит Казанский и Свияжский Ефрем совершил в Успенском соборе «обряд венчания» на престол Михаила Федоровича Романова и подписал грамоту об избрании его на царство.

Примечательно, что правители и в России, и в Японии для укрепления своей власти используют внешнюю экспансию, завоевательные походы.

Россия начинает проникновение на Восток и освоение огромных пространств Сибири. В Москве учреждается Сибирский приказ (1638). В восьми с лишним тысячах километров от Москвы создается Якутское воеводство (1640), по приказу которого осуществляется успешная экспедиция на Амур (1643), а в 1649 году русские выходят к берегу Охотского моря, где закладывается первый русский порт на Тихом океане – Охотск. Эта экспансия происходит по общим тогда правилам колонизации. Население захваченных территорий облагается данью (ясаком), а их сопротивление подавляется. В 1645 году таким образом было подавлено восстание бурятов.

Аналогична по времени и по характеру экспансия Японии: на юге – в сторону островов Рюкю с попытками присвоения островов Бонин, на западе – в сторону островов в Японском море, на севере – в сторону Хоккайдо, Сахалина и Курильских островов. В северной части Хоккайдо во второй половине XVII века многочисленные племена айнов сохраняли независимость. В 1669 – 1672 вспыхивает крупное восстание айнов, которые вначале воюют между собой, а потом объединившись – против японцев («восстание Сягусяина»).

На Хоккайдо войска клана Мацумаэ умирят айнов. Этот клан при абсолютной власти сёгуна обладает полномочиями на принятие собственных решений в освоении северных территорий, включая применение вооруженной силы. Аналогичный Мацумаэ пример на юге Японии – княжество Сацума. Клан Симадзу в марте 1609 снарядил флот из 100 кораблей и лодок с трехтысячным войском, захватил и присоединил к Японии острова Амами, принадлежавшие королевству Рюкю, а затем оккупировал столицу самого королевства Наха. Король Рюкю вынужден был признать над собой власть сёгуна.

Изоляционизм никогда не приживался на русской почве. Это было нереально с геополитической точки зрения. Экспансионизм, напротив, был представлен во все времена, но не имел присущего этому слову от-

рицательного смысла. Экспансионизм воспринимался не как «захват» чужой территории, а как «приращение» к империи территорий, к ней прилегающих. В Московском княжестве при Иване III «собрание земель» означало присоединение не только русских земель – Ярославского, Тверского и Белозерского княжеств, но и соседних территорий с нерусским (угро-финским) населением. Были присоединены территории национальных меньшинств в Приволжье и за Уралом (походы на Пермь и Юргу) – коми-пермяков, ханты-манси и др. Но термин «русский колониализм» не прижился ни в политологической литературе, ни даже в публицистике. Выражение «русские колонии» в Сибири можно встретить лишь в британской прессе XIX века.¹ До этого под русскими колониями понимались исключительно территории на западном побережье Америки, где деятельность русских колонистов опережала американцев и британцев, которые высоко оценивали ее как направленную не только на извлечение торговой выгоды, но и как цивилизаторскую.²

Увеличение территории Японии произошло за счет включения в состав страны территорий, которые до приблизительно 1800 года считались «*gaijitu*» («внешние земли») – Хоккайдо, Окинава. Завоевание Тайваня в 1895 году – по сути первое колониальное приобретение. Присоединение соседних земель и территорий и формирование квази-империи оказывает сильное воздействие на идеологию, а через нее на ментальность народа и становится частью его идентичности.

Характерно, что модель делегирования полномочий центральной власти определенным группам населения на границах государства, которые можно видеть на примере кланов Мацумаэ и Симадзу, использовалась в XVII – XIX веках и в России. Эту роль выполняли поселения казаков, которые захватывали обширные территории, сооружали опорные пункты и усмиряли местные племена.

Начиная с XVIII века исторические пути России и Японии расходятся.

Россия, серьезно отстав от европейских стран в экономическом, научно-техническом и культурном развитии, не имея выходов к морям – Черному и Балтийскому, испытывая постоянное, в том числе военное, давление с западного и южного направлений, в интересах сохранения своей государственности и суверенитета под руководством царя Петра I осуществляет масштабную, радикальную программу модернизации.

Япония – островное государство, окруженное водным пространством, решает проблему обеспечения безопасности и сохранения идентичности путем закрытия страны от контактов с иностранцами и консервацией внутренних порядков. Япония начнет свою модернизацию спустя 150 лет после российской, во многом по тем же причинам, что и Россия. Натиск в первой половине XIX в. США и европейских держав

¹ The Times. 20.06. 1832

² The Times. 13.01. 1820

на Восток, по существу, не оставил для Японии выбора – либо полукOLONиальная зависимость по китайскому сценарию, либо коренная перестройка политической, экономической, социальной и культурно-бытовой системы.

Хотя модернизационные преобразования в России и Японии разделяют полтора столетия, определенные аналогии между внутренним развитием в обеих странах можно обнаружить и в этот период.

Прежде всего, и в реформировании России, и в реформировании «застойной» Японии была укреплена система централизованного управления.

Россия – огромная по территории страна, была разделена на губернии, которых первоначально насчитывалось 40, затем 50. Хотя назначавшиеся из столицы губернаторы имели немалые полномочия в управлении, в осуществлении финансовых и судебных функций в губернии, их деятельность находилась под контролем из столицы – Санкт-Петербурга. Нередко за свою излишнюю самостоятельность и попытки превратить губернии в личные вотчины губернаторы лишались своих постов, а порой и довольно сурово наказывались.

Еще более жестко местное управление контролировала центральная власть в Эдо – сёгунат, которому подчинялись все 250 даймё. Хотя формально под наиболее строгим надзором сёгуната находилась только деятельность даймё, в которой обнаруживались намерения бросить вызов клану Токугава, как то строительство оборонительных сооружений, укрепление замка, заключение браков с родственниками соседних даймё с целью формирования антиправительственной коалиции, тем не менее была введена система заложников (санкин котай). Согласно этой системе, даймё были обязаны проводить каждый второй год при дворе сёгуна в Эдо, а на следующий год могли жить в своих замках, но оставив в «гостях» у сёгуна членов своей семьи. Этот порядок сохранился до эпохи Реставрации Мэйдзи и являлся весьма эффективным средством контроля над даймё. Прямое вмешательство сёгуната в управление даймё своими вотчинами осуществлялось и тогда, когда это управление оказывалось неэффективным, и даймё, и в этом определенная аналогия с российской практикой, могли быть наказаны – понижены в статусе, лишены части земель.

В XVIII веке в России сформировалось пять сословий: дворянство, духовенство, мещане, крестьянство, купечество. В Японии в эпоху Токугава население было разделено на четыре сословия: самураи (си), крестьяне (но), ремесленники (ко), торговцы (сё).

И в России, и в Японии основанием включения в «высшее сословие» – дворянство и самурайство, служило право по рождению в семье дворянина или самурая, а также приобретение статуса за особые заслуги перед властью. За дворянами и самураями закреплялись существенные

привилегии. Российские дворяне и японские самураи поставляли основные кадры для государственной службы. В отличие от японских самураев, которые не имели возможности применить свое воинское искусство в боях, так как в эпоху Токугава междоусобные войны прекратились, российские дворяне составляли костяк командного состава армии и из них формировались элитные части.

При всей немалой роли и значимости российского дворянства и японского самурайства в развитии государственности в обеих странах, в конечном итоге, и те, и другие в результате весьма болезненных, нередко трагических для их судеб исторических процессов были вынуждены либо погибнуть, либо раствориться в общественных структурах нового общества, рожденного в результате реформ.

Когда феодальная раздробленность сменилась эпохой централизованных государств, возникшие структуры власти в обеих странах значительно отличались. В Японии эта структура до конца сохраняла черты дуализма – параллельное существование реальной и символической власти.

Дуализм власти в Японии возник не сразу, а в результате естественного развития политической системы еще в древней Японии. Минамото Ёритомо – первый «великий сёгун, покоряющий варваров», основатель первого сёгуната Камакура (1192 г.), положившего начало эпохе военного правления Японией, продлившейся семь веков (680 лет) – был сыном главы клана и его жены из рода Фудзивара, поставлявших императорам их официальных жен.

В отличие от императоров (тэнно), династийность которых сохранялась, сёгуны менялись. Но ни один сёгун не пытался объявить себя императором, несмотря на то, что реальной силы для этого было достаточно.

Следует отметить, что именование японских тэнно «императорами» вошло в обиход в XVIII в., когда в Европе появились империи и императоры. Конечно же в древности, да и в более позднее время, Япония статусу империи не соответствовала. Однако титул «император» применительно к верховным правителям Японии применялся за рубежом страны, в которой он на японском языке по-прежнему именуется тэнно хэйка (Его Величество Небесный Господин).

Роль тэнно в государственной системе страны шаг за шагом выкристаллизовалась в качестве сакрально-символической фигуры – прямого наследника богини солнца Аматэрасу, Сына Неба. Тэнно выполнял функции верховного священнослужителя – жреца самобытной религии японского народа – Синто (путь богов).

Как представляется, именно эта «связь» тэнно с богиней солнца Аматэрасу и его роль верховного жреца являлись основными сдерживающими факторами намерения (если таковые и появлялись) сёгунов объявить себя потомками богов, что, очевидно, встретило бы весьма

негативную реакцию населения с соответствующими драматическими последствиями для сохранения своей власти.

В России подобной приверженности теории последовательного происхождения всех тэнно от одного корня, начиная с легендарного Дзимму, не существовало, т. к. происхождение русских великих князей и царей было из разных монархических корней, причем, в основном, нерусского происхождения.

Божественное происхождение тэнно ставило их по определению выше государственной власти. Хотя материальное обеспечение тэнно было подчас весьма скудным, но значение имела прежде всего идея святости престола. Император освящал и делегировал «земную» власть, оставаясь выше ее. Поэтому революция Мэйдзи и была названа реставрацией власти императора, «решившего» вернуть себе властные полномочия на управление страной.

В России тоже, хотя по историческим меркам непродолжительное время, существовал дуализм власти реальной и духовной в лице царей и патриархов. Патриаршество играло значительно большую политическую роль и экономически было сильнее, чем императорский двор в Киото. При этом титул патриархов Филарета и Никона включал в себя слова «великий государь» – у первого: «Великий Государь Святейший Божию милостию Патриарх Московский и всея Руси», у второго: «Божиею милостию великий господин и государь, архиепископ царствующаго града Москвы и всеа великия и малыя и белыя России и всеа северныя страны и помориа и многих государств Патриарх»

Как раз в период, когда Токугава резко ограничил права императора и его двора в Киото, отобрав у него все земельные надель, компенсировав это финансовым содержанием из казны, патриарх Филарет в Москве, пользуясь тем, что его сын стал первым царем из рода Романовых, значительно расширил права патриаршества.

Но со временем царский престол начал приобретать авторитарность не только как государственный или управленческий институт, но и как духовный. В Японии тэнно был выше рангом – сыном богов, которыми была рождена сама страна.

В России тоже можно найти попытки связать царя с Богом, найти в нем некую сакральность. В Своде законов Российской Империи от 1832 г. в его первом томе, представлявшем собой компиляцию законов XVIII – начала XIX вв. («Основные законы Российской Империи»), 1-я статья гласила: «Император Всероссийский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной его власти не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает».

Вместе с тем, в русской идентичности, в особенности в тот период и позднее, важнейшей чертой было стремление к единовластию и персонафикация ее в образе конкретного государя, ставшего таковым согласно

канонам престолонаследия. Это сочеталось с глубоким неверием и недоверием к коллективной форме правления.

Важной особенностью царского правления в России было наличие рядом с царем лица, который оказывал сильное или даже решающее влияние на политические решения – «опекун» («серый кардинал») или «фаворит» (фаворитизм получит широкое распространение в России и в Европе в XVIII веке). У Михаила Романова опекуном был его отец патриарх Филарет. После смерти Михаила для его 16-летнего наследника, царя Алексея Михайловича, был выбран опекун («дядька») из среды бояр – крупный землевладелец Борис Морозов. До своей смерти он оставался самым близким царю и самым влиятельным человеком.

Будучи авторитарной, сильной личностью Петр I не допускал появления фаворитов и тем более опекунов. Однако после его смерти во времена Екатерины I, Анны Иоанновны, Екатерины II фаворитизм процветал и являлся фактически одним из институтов государственного управления.

В Японии такие явления как опекунство и фаворитизм имели место как в замке сёгуна, так и во дворце императора. Однако в Японии это имело меньшее распространение. Благоволение сюзерена по отношению к своим подчиненным для поддержания его авторитета должно было быть достаточно ровным. Были даймё более приближенные и менее, но это было связано не столько с личными симпатиями или антипатиями сёгуна, сколько со степенью лояльности даймё и их компетентности. В России тоже лояльность и компетентность подчиненного ценились высоко, однако фактор личной симпатии был более выраженным.

Примером фаворитизма в японской истории были отношения сёгуна Токугава Иэнобу и известного историка, философа, литературоведа и поэта Араи Хакусэки (1657 – 1725). По инициативе Араи сёгунат провёл целый ряд реформ, упрочивших и усовершенствовавших власть сёгуна. «Фактическим правителем» Японии во второй половине XVIII века был Танума Окицугу (1719 – 1788). Можно упомянуть и Мацудайра Саданобу, который будучи регентом при сёгуне Токугава Иэнари, выступил инициатором реформ Кансэй.

Теория абсолютизма как наилучшей формы правления для России строилась на предположении об эффективности строгой вертикали власти, ее «справедливости» в заботах о народе. При Петре I она в полной мере воплотилась в государственном устройстве. По мере пространственного роста государства, достигшего колоссальных размеров уже при Екатерине II, сформировалась идеология монархизма как наиболее адекватной этим пространствам системы государственного управления. В своем Наказе Комиссии о составлении нового Уложения в 1766 году императрица писала: «Государь есть самодержавный; ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать

сходно со пространством столь великого государства. <...> Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно».³

Самоидентификация в мировом цивилизационном пространстве является одним из самых болезненных вопросов в истории двух стран. Русский этнос и его идентичность с самого начала их образования были европейскими. Беспрецедентное расширение территории Московского царства на запад, на юг и особенно на восток в XVII – XIX веках изменило не только геополитические параметры, но сказалось и на идентичности, превратив русских в россиян.

В своем Наказе Комиссии о составлении проекта нового Уложения в 1766 году Екатерина II в одном из первых пунктов, обозначив российскую идентичность как «европейскую» («Россия есть Европейская держава»), отмечала, что только реформы Петра вернули русских в европейское культурное лоно. «Перемены, которые в России предпринял ПЕТР Великий, тем удобнее успех получили, что нравы, бывшие в то время, совсем не сходились со климатом и принесены были к нам смешением разных народов и завоеваниями чуждых областей. ПЕТР Первый, вводя нравы и обычаи европейские в европейском народе, нашел тогда такие удобства, каких он и сам не ожидал».⁴

Ключевую роль в формировании русской идентичности сыграло православие, которое было «системообразующим элементом» этой идентичности, начиная с момента принятия христианства. Оно же было важнейшим элементом государственности. На всех освоенных и присоединенных территориях по приказу строились церкви, храмы и монастыри. В Японии эта деятельность тоже присутствовала – строительство синтоистских храмов на Хоккайдо и на Окинаве.

При Иване III противодействие исламу, католицизму и иудаизму («ересь жидовствующих») стало одной из задач государства. Приверженность православию оставалась важнейшим элементом идентичности на протяжении всех последующих этапов развития России. Под флагом православия велась борьба за сохранение национальной культуры, но это же станет источником, питавшим шовинизм и ксенофобию.

В Японии католицизм (в широком контексте христианство) воспринимался как угроза. Полный запрет Токугава в 1614 году христианства и последующее истребление христиан совпадает с изгнанием из России агрессивно католической Польши и Швеции, поменявшей католичество на лютеранство.

В Японии сопротивление католицизму было связано не столько с боязнью утратить свою идентичность, сколько с опасениями, что вслед за

³ Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения. 1767 глава II, пп. 8–11. Цит. по: Екатерина II. О величии России. М.: ЭКСМО, 2003. С. 72–156

⁴ Там же. С. 72–73

миссионерами придут иноземные войска. К тому же быстрое распространение католицизма в том радикальном виде как он был представлен в испанских колониях и откуда он впервые появился в Японии могло привести к созданию в стране отдельных религиозных общин, что грозило в будущем противостоянием на религиозной почве. До этого и после этого религиозный фактор не играл существенной роли во внутривосточных отношениях, хотя буддийские монастыри были вовлечены в непосредственную междоусобную борьбу. Даже в эпоху раздробленности не было феодальных кланов, проповедовавших только синто или только буддизм или его какие-то секты и борющихся с противниками под религиозными знаменами. И, наконец, католицизм с его строгой иерархией подчинения верховной власти Римского Папы мог угрожать духовной власти японского императора. Католицизм вряд ли смог бы найти общий язык с синто, как это сумел сделать буддизм.

Сосуществование синто и буддизма, а также распространение конфуцианства и даосизма размывало религию как один из стержневых факторов японской идентичности. Поэтому божественное происхождение императора, восполняя в какой-то степени этот пробел, служило центром притяжения всех религиозных кругов в стране (храмов и монастырей, монахов и монахинь), составлявших внушительную силу. Не случайно, в Японии взаимоотношения реальной и сакральной власти были с разной степенью конфронтационности в принципе враждебными.

В эпоху становления сёгуната Токугава произошел наиболее острый конфликт двух ветвей власти. Он был вызван принятием в 1613 году указов сёгуна, регулирующих деятельность киотосского двора. В частности, была запрещена практика, когда все монахи и монахини высокого ранга вне зависимости от принадлежности к буддийским сектам бесконтрольно получали ритуальные одеяния (обычно пурпурного цвета), а также ранги «святых» от императорского двора, что составляло значительную часть их доходов. В 1627 году сёгунат объявил недействительными многие указы императора о присвоении высоких званий прелатам буддийских храмов под предлогом, что они не были согласованы с верховной властью, и потребовал вернуть все регалии назад. Императорский двор резко воспротивился этому. Некоторые священники из руководства крупных храмов отказались выполнять этот приказ. В результате многие из них лишились своих званий и были сосланы в монастыри и храмы в отдаленные районы на север острова Хонсю.

То же самое, но в другом контексте и в других масштабах происходит в России спустя два десятка лет в результате церковной реформы. Раскол церкви в середине XVII века вследствие изменения церковных обрядов (трехперстие вместо двуперстия и др.), переписывание старых святых книг, предание анафеме, преследование и убийства тех, кто отказался следовать новым канонам и не поддержал реформу – не имеют

аналога в японской истории. Упомянутые преследования высшего слоя священников буддийских храмов имеют другой контекст. Он чисто внутренний и связан с усилением авторитарной власти, в то время как в России помимо внутреннего конфликта между ростом силы и мощи русского государства с идеологическим застоєм, связанным с консерватизмом церкви, они имели более глубокую геополитическую подоплеку. Царь Алексей Михайлович с его амбициями наследника Византии, защитника всего православия и мечтами когда-нибудь вернуть Константинополь и воцариться там на престоле, поддерживал приведение канонов русской церкви в соответствие с греческими.

Все иностранные жены русских царей и императоров в обязательном порядке принимали православие, отказываясь от своей прежней религии. Напротив, русские княжны выходя замуж за иностранного принца или монарха могли оставлять за собой свою родную религию. В брачном контракте с герцогом курляндским Фридрихом-Вильгельмом, племянником прусского короля, с племянницей Петра I Анной Иоановной (будущая императрица России), заключенном в 1710 году, специально оговаривалось, что в распоряжении ее и ее русской прислуги будет русская православная церковь, а рожденные в браке с лютеранином дочери будут православного вероисповедания, в то время как сыновья, как их отец – лютеранского.⁵

В Японии религиозные обряды и традиции, их реформы не влияли на политический выбор. В России церковные реформы, не только сеяли семена ненависти внутри одного и того же народа, но породили практику государственного преследования инакомыслия.

Однако следует учесть, что в церковных реформах сохранялось стремление сохранить патриарха, если не равным царю, но в роли его «правой руки». Сам Никон, судя по его титулу «Великого Государя», иначе себя не мыслил. Но все амбиции церкви потерпели крах по мере того как в России на рубеже XVII и XVIII веков самодержавие приобретает форму абсолютизма. Это происходит при Петре I. Церковная реформа Петра ликвидировала русский патриархат, заменив управление церковью на государственную службу в виде Святейшего Синода.

Весь период правления Токугава и самоизоляции Японии пронизан идеями конфуцианства или точнее неоконфуцианства (чжусианства). Учение китайского мудреца о добродетелях и гуманности правителей, их обязанности отечески заботиться о народе, обращенные к самому народу призывы к экономии и бережливости, скромному образу жизни,

⁵ *Костомаров Н. И.* Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. Второй отдел: Господство дома Романовых до вступления на престол Екатерины II. Выпуск седьмой: XVIII столетие. 21. Императрица Анна Ивановна. I. Анна Ивановна до призвания на царство. // ГИИТБ СО РАН. URL: http://www.spsl.nsc.ru/history/kostom/kostom52_1.htm (дата обращения 07.11.2015.)

отказу от излишеств – все эти конфуцианские ценности влияли на политику и реформы в токугавской Японии. В реформах Кёхо, Кансэй, в политике Араи Хакусэки, Мацудайра Саданобу и других можно увидеть влияние конфуцианства. Более того, под влиянием Мацудайра учение Чжу Си было впервые в японской истории провозглашено официальной доктриной страны.

Религия и ее ценности пронизывали повседневную жизнь россиян. Это не имело прямого отношения к вопросу о том, насколько русские как народ или этнос религиозны или набожны. На этот счет есть прямо противоположные точки зрения. Однако быт или бытовая мораль испытывала на себе огромное влияние православия.

Относительно японцев преобладающим является мнение, что они не религиозны в принципе, а религия ими воспринимается скорее как система культурных традиций и обычаев, наследованная от предков. К тому же большую роль сыграло то обстоятельство, что буддизм, синто и тем более конфуцианство, строго говоря, религиями не являются. Это скорее учения, этико-моральные, чем мировоззренческие системы.

В наиболее развитой из них системе – буддизме, нет строгих канонов, а Будда не является богом. Синто – вообще политеистическая доктрина, сотканная из мифов. В этих доктринах понятия добра и зла,рая и ада размыты и нет строгих запретов на что-либо, а понятие греха и греховности аморфно. Примером является отношение, в частности, к такому греху как содомия или мужеложство, который в иудейско-христианской традиции (Библия) считается одним из тяжелейших грехов. Между тем в эстетике и этике древней и средневековой Японии, основанных на буддистских и синтоистских ценностях, «нансёку» (мужеложство) не только физиологическое, но и эстетическое явление. Это отчасти может быть объяснимо тем, что «ками» (боги) в синтоизме и Будда в буддизме не имели четко выраженной половой принадлежности. Вплоть до эпохи Мэйдзи в отношении «нансёку» не действовали не только законы, но и общепринятые моральные нормы.

С религией была связана и проблема наследования трона. При российском дворе император или царь, помимо официальной жены, имел любовниц на стороне. Это было принято и не считалось зазорным. Но рождавшиеся от этих связей дети, как и в Европе, не могли претендовать на корону. Христианская догматика запрещала многоженство и прелюбодеяние. Поэтому дети рожденные в «грехе» не могли претендовать на корону. Петр I при всей авторитарности свою любовницу Маргу Скавронскую сделал женой и короновал в Успенском соборе как императрицу. Готовя ее на российский престол, он своим законом (1722) отменил прежний порядок наследования престола прямым потомком по мужской линии, заменив его личным назначением царствующего государя.

В Японии все основные религии не запрещали побочные связи супруга, и поэтому многоженство, особенно в высших сферах, было обычной практикой. У сёгунов, как и у императоров, помимо официальных жен (сэйсицу) были вполне легитимные наложницы (сокусицу). Из детей, рожденных от первых (тякунан) и вторых – (сёси) преимущество отдавалось первым, но если их возведение на престол по каким-либо причинам или в результате интриг было невозможно, то вторые вполне могли претендовать на «хризантемный трон».

В Японии современный тип государства (три ветви власти – законодательная, исполнительная и судебная) появился лишь после Революции Мэйдзи во второй половине XIX века, в то время как в России процесс его становления начался с реформ Петра I в первой четверти XVIII века. Япония отставала почти на 150 лет. Однако реформы политической системы при Петре I, Екатерине II и всех последующих монархах носили половинчатый и возвратно-поступательный характер и так и не были завершены – многие черты феодализма остались без изменений.

Определенные перемены в Японии начались еще до распада феодальной системы. Принимались меры некоторого смягчения режима – отмена практики насильственной передачи буддийским монастырям дочерей принцев крови, помилование незаконно проникших в Японию иностранцев (дело итальянского миссионера Джованни Сидотти), разрешение на ввоз европейской литературы из Китая нерелигиозного содержания. В более обширных реформах Кёхо (1716–1736 гг.) помимо изменений в земельных отношениях, размеров крестьянских податей, судебной реформы и внедрения начал здравоохранения и пр., принимались законы, направленные на стабилизацию социальных отношений и предотвращения социальных взрывов, повышения эффективности управления. Столь же важными были реформы Кансэй (1787–1793 гг.).

Новые перемены принес XIX век. В обеих странах они в чем-то схожи, в чем-то различны. В России этот век начался с попыток реформировать систему в начале правления Александра I (1801 – 1825). Воспитанный своей бабушкой Екатериной II в духе просвещенного абсолютизма, молодой царь размышлял о переменах, конституции с декларацией свобод, гражданских прав и освобождения крестьян, но условий для «революции сверху» не было и последовали лишь полумеры. Указ 1803 года позволял помещикам отпускать на волю крестьян с закреплением за ними земли. Так впервые в России появилось сословие свободных крестьян («вольных землепашцев»). Позднее, ближе к войне с Наполеоном по распоряжению царя был разработан проект государственной реформы, который превращал Россию в конституционную монархию, но он так и не был осуществлен. Никак не решался центральный вопрос – освобождения крестьян, а усиление функций государства привело к его чрезмерной бюрократизации. Участие и победа в войне с Наполеоном вы-

вело Россию в разряд великих держав, определявших судьбы мира. Она же подтолкнула к попыткам реформирования государственности.

При царе Николае I были устранены наиболее одиозные черты крепостничества. Запрещена продажа крестьян поодиночке и без земли, покупка крестьян безземельными дворянами. При продаже имения помещика за долги крестьянам предоставлялось право выхода на волю с землей, право приобретать недвижимую собственность. Была упорядочена и укреплена правовая основа государства, проведена кодификация законов и изданы 45 томов «Полного собрания законов Российской империи», 15 томов действующих законов («Свод законов»).

Япония первую половину XIX века находилась в состоянии политической спячки, двигаясь по инерции. Эта инерция была спровоцирована полувековым нахождением у власти сёгуна Иэнари (1787 – 1837 гг.), не имевшего никакого интереса не только к реформам, но и к политике в целом. Не был подготовлен к роли лидера и его сын Иэёси (1837–1853 гг.). Поэтому элита оказалась не способной реагировать на социально-экономические перемены, в частности, рождение нового торгово-предпринимательского слоя. В Японии не было попыток либерализации режима, какие имели место в России при Александре I, хотя и предпринимались усилия сделать режим более эффективным и устойчивым к внутренним и внешним потрясениям.

В роли «реформатора» выступил Мидзуно Тадакунэ, который взялся за проведение реформ, получивших название реформ Тэмпо (1841–1843 гг.). В отличие от ограниченно либеральных реформ в России они были сугубо консервативными. Но реформы в двух странах объединял наиболее болезненный крестьянский вопрос. В Японии 30–40-е годы XIX века это была проблема возвращения крестьян в деревню, недопущения притока в Эдо массы бедных и голодных крестьян после массового голода. Стала острой задача пополнения казны любыми средствами, а не только призывами к бережливости и экономии. Явно консервативным и недальновидным было решение о роспуске картелей ремесленников и купцов (кабунакама). Эти предтечи акционерных обществ подозревались в монопольно высоких ценах. По настоянию Мидзуно в 1843 году был принят закон об экспроприации наделов, позволявший изымать земли у феодалов взамен земель из «свободного фонда». Этот закон коснулся земель вокруг Эдо и Осака, принадлежавших *хатамото* и *фудай даймё*.

* * *

Сравнительный анализ идентичностей России и Японии в указанный период свидетельствует о преобладании в них общего над специфическим. Взаимоотношения государства и общества, борьба за власть, формирование ее вертикали, роль лидера в процессе управления, стремление к эффективности режима, попытки структурных реформ

при сохранении самой системы, сословные деления в обществе и роль в нем отдельных групп, консерватизм элиты и ее неспособность идти на радикальные перемены – во всем этом и многом другом просматривается общность процессов исторического развития. Это позволяет сделать вывод, что противоречия между странами, которые не раз проявлялись в ходе построения и осуществления двусторонних отношений, не имеют исторических корней и не являются противоречиями между идентичностями и основаны на геополитических причинах.